

разделах книги имеются ссылки на отдельные произведения византийского искусства. После падения Константинополя Грузия долгое время поддерживала культурную связь с Афоном, что нашло отражение в грузинских росписях XVI и XVIII вв.

Проблемы истории искусства затрагивал и Л. М. Меликсет-Бек, который утверждал, что на памятниках Внешней Кахетии (Мухравани, Кацахети-Самеба и др.) сохранены следы влияния византийской живописи⁵⁰.

Наш обзор не является исчерпывающим. Мы, например, совершенно обошли работы, связанные с узкоспециальными разделами истории Византии (такие, например, как история богослужения, история календаря и т. п.), но и сказанное, думается, убедительно свидетельствует о значительном подъеме византиноведения в Советской Грузии.

Н. Н. Кечакмадзе

К. Н. ЮЗБАШЯН. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ В 1180—1204 гг. И ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Ереван, 1957, 69 стр.

В небольшом исследовании, выпущенном в свет Издательством АН Армянской ССР, К. Н. Юзбашян ставит своей задачей выяснить причины слабости Византии, сделавшие ее легкой добычей немногочисленного войска крестоносцев Четвертого похода.

Эта проблема представляет значительный интерес: от ее правильного решения во многом зависит понимание некоторых существенных особенностей социально-политических отношений в Византии на рубеже XII—XIII вв.

Буржуазная историография обычно довольствовалась просто констатацией ослабления императорской власти в Византии в период, предшествовавший нападению крестоносцев, а если и пыталась объяснить это ослабление, то искала его причины преимущественно в области политического развития империи. В качестве примера можно привести мнение Ф. И. Успенского. С его точки зрения, горсть западноевропейских авантюристов легко овладела византийской столицей главным образом потому, что к концу XII в. в политической жизни Византии резко обозначились децентрализующие тенденции: империя фактически стала распадаться на полусамостоятельные владения «эпатридов» (т. е. землевладельческой знати); императорская власть была подорвана¹ и поэтому, в первую голову, «обширная империя... не имела в себе достаточно энергии и решимости, чтобы уничтожить небольшую венецианскую эскадру, которая подошла к Константинополю»². Ф. И. Успенский, правда, высказывал при этом и другие соображения в объяснение событий 1204 г.; он упоминал между прочим и о том, что «взаимные отношения между сословиями и классами столичного населения... подготовили империю» к краху 1204 г.³, но на первом плане у него фигурировал все же рост политической децентрализации в Византии и ослабление императорской власти, а основу этих явлений он

⁵⁰ Л. М. Меликсет-Бек. Древняя живопись в Гареклахети. «Чвени Мецниереба», № 9—10, 1924, стр. 57—63 (на груз. яз.).

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М., 1948, стр. 380

² Там же, стр. 378.

³ Там же, стр. 385.

усматривал в «недостаточности сил сцепления в господствовавшей национальности в империи»⁴.

Эта концепция непосредственно вытекала из идеалистических и монархических воззрений историка⁵: сильная императорская власть, по мнению Ф. И. Успенского, являлась благом для государства, ослабление ее с неизбежностью повлекло за собою в 1204 г. пагубные последствия.

Советские историки, отбросив идеалистические концепции, считают, что основные причины разгрома империи в 1204 г. надо искать в особенностях социального развития Византии на рубеже XII—XIII вв. Однако и в советской историографии нет еще сколько-нибудь подробной монографической разработки этой проблемы.

А между тем сама по себе ссылка на то, что Византия тогда вступала (или вступила) в период феодальной раздробленности, далеко не исчерпывает вопроса.

Ведь не следует забывать, что конец XII—начало XIII в. ознаменовались феодальным дроблением не только Византии: это было время, когда погибали и универсалистские монархии на Западе. В 1204 г. Византию сокрушили отнюдь не силы западной централизации — Константинополь пал под ударами отрядов феодалов, которые у себя на родине воплощали именно «феодальный беспорядок»⁶.

Кроме того, в самой Византии — это факт, хорошо известный, — наиболее энергичное сопротивление западноевропейским рыцарям оказали (на первых порах, по крайней мере) представители тех самых кругов независимых феодальных владетелей (например, Лев Сгур), которые, казалось бы, лишь дробили организм империи, препятствуя успешной борьбе Византии против латинян.

Наконец, и ослабление политической централизации в империи к концу XII в., в свою очередь, требует дополнительного объяснения: ведь этот период, как свидетельствуют особенно археологические данные, был отмечен ростом городов в Византии, усилением торговли, укреплением хозяйственных связей⁷. В свете всего сказанного необходимость более углубленной разработки проблем, связанных с поражением Византии в 1204 г., совершенно очевидна.

Первую попытку в этом направлении сделал недавно румынский византист Э. Франчес в своей статье «О завоевании Константинополя латинянами»⁸. К этой работе тесно примыкает — и тематически, и по своей концепции — рецензируемое исследование К. Н. Юзбашяна. Как и статья Франчеса, оно бесспорно знаменует собой более серьезный и глубокий подход к трактовке обстоятельств крушения Византийской империи в начале XIII в.

Выясняя причины, по которым крестоносцы без больших усилий овладели византийской столицей, Юзбашян рассматривает события социально-политической борьбы в Византии приблизительно за четверть века, предшествовавшие завоеванию Константинополя латинскими рыцарями

⁴ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 379.

⁵ См.: Э. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. ВИ, 1949, № 6, стр. 122—123.

⁶ Известно, что граф Фландрский и некоторые другие предводители крестоносцев отправились в поход на Восток в значительной степени потому, что, будучи противниками централизаторской политики Филиппа II Августа, опасались репрессий с его стороны за свой недавний союз с Ричардом Львиное Сердце. См.: М. А. Заборов. К вопросу о предистории Четвертого крестового похода. ВВ, т. VI, 1953, стр. 229.

⁷ См.: А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, т. XXI, 1954, стр. 187.

⁸ E. Francès. Sur la conquête de Constantinople par les Latins. BS, v. XV, 1, 1954, p. 21—26.

в 1204 г. Автор опирается, главным образом, на свидетельства современных византийских памятников (основным источником служит «История» Никиты Хониата), но привлекает, вместе с тем, известия некоторых латинских историков (Вильгельм Тирский и др.).

В первой главе «Классовая борьба в Византии после смерти Мануила Комнина» (стр. 11—18), посвященной анализу внутриполитической жизни Византии в 80—90-х гг. XII в., внимание автора привлекают, с одной стороны, конфликты, происходившие в верхах византийского общества: борьба за власть между различными группировками внутри господствующего класса, дворцовые заговоры и перевороты в Константинополе, мятежи отдельных магнатов против центрального правительства, многочисленные попытки узурпаторов завладеть константинопольским престолом. С другой стороны, автор — в отличие от многих буржуазных исследователей, ограничивавшихся большей частью изучением только этой узкой, дворцово-политической сферы внутренней истории Византии конца XII в., — пристально интересуется теми «глубинными» откликами, которые вызывала в народе и которыми сопровождалась политическая грызня в верхах. Исследователю удалось в ряде случаев показать, как эти отклики подчас выходили за рамки, в которые старались втиснуть выступления масс представители господствующего класса, домогавшиеся верховной власти и — в расчете получить временное содействие трудовых слоев населения — выдвигавшие демагогические лозунги. Так, рисуя выступления плебса в Константинополе в 1181 г. во время возмущения, поднятого кесариссой Марией (после раскрытия возглавлявшегося ею «заговора двенадцати»), К. Н. Юзбашян хорошо использует сделанное, казалось бы, мимоходом, но, тем не менее, много говорящее наблюдательному исследователю замечание Никиты Хониата о том, что бедняки уничтожали податные списки и громили дома богачей (стр. 16); удачно выявлена автором активность столичной бедноты в момент восшествия на престол Исаака Ангела (стр. 36—37); убедительно обрисовано выступление рыбаков в поддержку мятежа Враны (стр. 39—40); Юзбашян со всей обстоятельностью, допускаемой скудными данными сочинения Никиты Хониата и иных источников, собрал известия, содержащиеся в них, относительно «бунтов» бедноты в Константинополе в 90-х гг., — «бунтов», которые, как справедливо указывается в книжке, возникали порой по самому случайному поводу (см. стр. 46 сл.).

В результате проведенного в первой главе исследования Юзбашян приходит к выводу, что политический кризис, который империя переживала в ближайшие два десятилетия, последовавшие за смертью Мануила Комнина, выражался, во-первых, в постоянных столкновениях различных группировок чиновной знати в Константинополе (с этим связана и неустойчивость центральной власти) и, во-вторых, в ожесточенной классовой борьбе «между низами общества и его эксплуататорской верхушкой» (стр. 66).

В общем и целом этот вывод для первой главы подтверждается исследованным автором материалом.

Можно ли, однако, сказать, что, раскрывая события классовой борьбы «низов общества» против его «эксплуататорской верхушки», Юзбашян идет дальше своего предшественника Э. Франчеса? К сожалению, на этот вопрос приходится ответить скорее отрицательно, чем утвердительно^{8а}.

^{8а} Между прочим, Франчес довольно отчетливо подчеркнул первостепенное значение народных движений в Константинополе не только «непосредственно перед падением столицы», как полагает К. Н. Юзбашян (Ук. соч., стр. 9), но и в 90-х годах XII в.; он указал также на страшный фискальный гнет и злоупотребления бюрократии, как на причину этих движений (E. F r a n ç è s, Op. cit., p. 22—23).

Правда, Юзбашян, изучая в первой главе своей работы социально-политическую борьбу в конце XII в., несколько раздвигает хронологические рамки исследования; в отличие от Франчеса, он затрагивает и события 80-х гг. Кроме того, Юзбашян рассматривает не только выступления народных масс, но, как уже было сказано, и политические конфликты внутри правящих кругов. Но подробное описание придворных склок не содержит ничего ни нового, ни оригинального. Эта сторона политической истории Византии с достаточной полнотой разработана буржуазными историками. Что же касается характеристики народных движений в 90-х гг., то автор по сути дела лишь дополняет и уточняет данные, собранные Франчесом.

При этом некоторые общие положения первой главы следует признать необоснованными. Таков один из ее центральных тезисов — о том, что «почти каждой... попытке» узурпации трона была «обеспечена поддержка народа» (стр. 41)⁹. Сам автор, говоря о двух попытках такого рода, имевших место в начале царствования Алексея III, не считает возможным сделать какие-либо выводы насчет поддержки узурпаторов народом (стр. 45). А третье и четвертое выступления узурпаторов при Алексее III он вообще упоминает только для того, «чтобы дать полный список жаждущих власти в это время» (стр. 45). Кроме того, и из рассказа о попытке племянника Андроника «взволновать народ» видно, что «эта попытка не удалась», т. е. народ не поддержал узурпатора (стр. 42). Нельзя назвать «поддержкой народа» и присоединение к Константину Татикию «пятисот соумышленников» (стр. 42), о составе которых к тому же ничего не известно. Вообще автор склонен иногда преувеличивать степень участия народных масс в делах узурпаторов. Так, мы читаем, что «для восстания Враны (которое скорее следует назвать мятежом. — М. Э.) характерно участие *широких слоев народа*» (курсив наш. — М. Э.). Между тем, приводимый автором материал не позволяет прийти к такому выводу: пропонгидские рыбаки, примкнувшие к Вране (стр. 39), и даже «жители окрестностей столицы», с которыми расправился затем кесарь Конрад Монферратский (стр. 40), — это все же не «широкие слои народа», хотя низы, по-видимому, действительно приняли какое-то участие в этих событиях. «Широкие слои народа» и не могли поддерживать чуть ли не всех узурпаторов; это ведь были представители знати, чуждые народу люди, от насилия которых страдало само же трудовое население: это они, по словам Атталиаты, выжимали из него «не крови, а денег потоки»...¹⁰

Во второй главе «Политический кризис Византии в период нашествия крестоносцев и падения Константинополя» (стр. 49—64) Юзбашян продолжает намеченную ранее линию исследования. Он старается нарисовать картину напряженной социальной и политической борьбы в Византии, происходившей непосредственно в годы нападения на нее западных захватчиков и послужившей, по мнению автора, источником слабости империи, вследствие чего она и оказалась «не в силах сопротивляться удару крестоносцев» (стр. 69).

К сожалению, и в этой главе, наряду с рядом интересных высказываний автора, приходится отметить те же недостатки, что и в первой: перенасыщенность исследования сведениями относительно положения в верхах и отсутствие должной обоснованности некоторых суждений об остроте классовой борьбы.

⁹ Ср. E. Francès. Sur la conquête de Constantinople..., p. 23: «Le désespoir des masses citadines est telle, que tout aventurier peut exploiter facilement leur état d'esprit».

¹⁰ Attalio t a e. Historia. Bonnae, 1855, p. 263.

Так, инертность Алексея III перед лицом крестоносцев, обложивших Константинополь летом 1203 г., Юзбашян объясняет тем, что атмосфера в Византии была слишком накалена, «слишком напряжены классовые и политические отношения, чтобы правительство могло рассчитывать на подданных» (стр. 58). Однако, никаких фактов, которые бы конкретно подтверждали этот вывод, автор не приводит. Общее рассуждение Георгия Акрополита, на которое ссылается Юзбашян (Алексей III бежал потому-де, что «опасался своих подданных»), само по себе недостаточно и может, в лучшем случае, служить лишь косвенным доказательством мысли автора. (Кстати, на стр. 57, впадая в противоречие с собственным выводом, автор отмечает, что, согласно Никите Хониату, Алексей III все же сделал попытку защитить столицу «под влиянием всеобщего возмущения». Но если дело обстояло так, то, следовательно, «инертный» василевс мог бы при желании опереться на константинопольцев, возмущавшихся именно его «инертностью». Ссылка на напряженность «классовых и политических отношений» в таком случае мало что объясняет в поспешном отступлении Алексея III).

Несколько более детально охарактеризована ситуация, сложившаяся в Константинополе после водворения на престоле отца и сына Ангелов в июле 1203 г. Их поборы с населения, введенные для расплаты с крестоносцами, действительно, вызвали сильный ропот в столице: народ, по словам Никиты Хониата, «угрожал бунтом», а затем и на самом деле восстал (конец января 1204 г.). Но и это восстание на наш взгляд, раскрыто автором далеко не с той полнотой, на которую мы были бы вправе рассчитывать, имея в виду состояние источников. В частности, Юзбашян недостаточно использовал чрезвычайно интересные в этой связи сведения Новгородской летописи, проливающей яркий свет на ход восстания столичного плебса против Ангелов. Между тем известно, что русский летописец описал эти события, опираясь на свидетельство очевидца и к тому же его изложение более беспристрастно, чем у Никиты Хониата (и у Виллардуэна). Не привлек Юзбашян к исследованию и ценной работы Н. А. Мещерского «Русская повесть „О взятии Царьграда от фряг“ как источник по истории IV крестового похода»¹¹, в которой как раз сделана попытка охарактеризовать январское восстание в Константинополе, выяснить состав его участников и показать противоречия в самом лагере восставших, позволившие Алексею Мурзуфлу обезглавить движение бедноты. Автор рецензируемой работы почти не касается этих вопросов или же, затрагивая их, упрощает ход событий. Так, он пишет, что Никола Канав, избранный народом, «в решительный момент был покинут сторонниками» (стр. 62). Сведения «Повести», рассмотренные Н. А. Мещерским, позволяют существенно уточнить это и некоторые другие выводы Юзбашяна.

Нельзя не признать также, что характеристика социальной борьбы в Константинополе в 1203—1204 гг., данная в работе Юзбашяна, по четкости и обстоятельности уступает соответствующим положениям статьи Э. Франчеса. Последний, между прочим, более полно учел свидетельства французских летописцев Четвертого крестового похода — Робера де Клару и Жоффруа Виллардуэна: оба они писали об удивлении завоевателей, когда те не встретили сопротивления со стороны населения Константинополя¹². Точно так же и общие выводы румынского ученого по вопросу о причинах быстрого перехода столицы в руки западных завоевателей сформулированы более законченно: массы, впавшие в отчаяние, страдая от

¹¹ См.: ВВ, т. IX, 1956.

¹² E. Francès. Sur la conquête de Constantinople... p. 24.

непереносимого положения, не только не оказали никакой поддержки в защите города, — пишет он, — но, наоборот, в то время, когда столица подверглась штурму извне, они боролись против своих внутренних врагов и отталкавали всякую попытку организовать оборону Константинополя, коль скоро она исходила из среды аристократии¹³ (Франчес имеет в виду деятельность Феодора Ласкариса).

Главная причина, вследствие которой К. Н. Юзбашян не сумел продвинуться дальше своего предшественника, заключается на наш взгляд, в том, что он, по его собственному признанию, отказался от рассмотрения «вопросов, связанных с общими предпосылками классовой и внутриклассовой борьбы» (стр. 65). Ясно, что обойдя эти вопросы, невозможно «вскрыть причины» политического кризиса в Византии: остается лишь констатировать факты, свидетельствующие о его наличии, т. е. описывать проявления кризиса, что и сделано в книжке с большей или меньшей обстоятельностью.

В своей работе Юзбашян касается также важнейших событий истории самого Четвертого крестового похода, которые он описывает, отчасти следуя показаниям источников, отчасти же — на основе литературных данных. Изложение некоторых эпизодов крестоносной экспедиции 1202—1204 гг. представляется совершенно излишним, поскольку оно не помогает более глубокой разработке главной темы исследования. К тому же эта часть работы не лишена фактических ошибок. Вот некоторые из них.

На стр. 53 автор пишет: «Как сообщал Иннокентий III императору Алексею III (имеется в виду письмо от 16 ноября 1202 г. — М. З.), Филипп немедленно направил посольство к крестоносцам, которые уже были в Заре» (правильнее именовать этот город Задар). Это неверно. Ведь крестоносцы захватили Задар только 24 ноября 1202 г., а когда папа составлял свое послание к Алексею III (16 ноября), он просто не мог знать, что произойдет через 8 дней. В письме папы не указывается, куда именно направились послы Филиппа Швабского. Судя по всему, немецкий король отправил это посольство вскоре после прибытия к его двору византийского царевича, вероятнее всего, в сентябре 1202 г., т. е. в то время, когда крестоносцы еще находились в Венеции¹⁴.

На стр. 51 Юзбашян, основываясь на сведениях, почерпнутых в записках Виллардуэна, о встрече беглого царевича с крестоносцами, державшими путь в Венецию (встреча произошла в Вероне), утверждает, что «крестоносцы допускали возможность нападения на Византийскую империю еще до отплытия в Зару» (стр. 52). Это будто бы вытекает из показаний Виллардуэна. На самом деле, из его сообщения видно, что Алексей действительно уже в Вероне пытался привлечь на свою сторону симпатии рыцарей, направлявшихся в Венецию. Однако, во-первых, «деловые» переговоры были завязаны лишь с крестоносцами, уже собравшимися в Венеции, — не было смысла начинать их с разрозненными группами, шедшими через Верону. Виллардуэн пишет совершенно четко, что именно в Венецию были направлены уполномоченные царевича (гл. 72). Во-вторых, трудно судить, допускали ли уже тогда крестоносцы возможность нападения на Византию. Ведь рассказ Виллардуэна говорит о том, что те, от кого зависел дальнейший путь крестоносного воинства, на первых порах ограничились очень осторожными шагами: они запросили Филиппа Швабского — и только.

¹³ E. Francès. Sur la conquête de Constantinople... p. 25.

¹⁴ Ср. W. Norden. Der Vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zum Byzanz. Berlin, 1898, S. 37, Anm. 3.

На стр. 49 указывается, что подготовка в походе началась в 1199 г.: «Во все концы христианского мира летели грамоты папы Иннокентия III, призывающие освободить Иерусалим»... На самом деле Иннокентий III развернул пропаганду в пользу нового крестового похода уже в 1198 г., когда и были направлены соответствующие папские грамоты в разные страны Запада¹⁵.

На стр. 56 в тексте примечания автор пишет, что, по мнению Аното, свидетельства хрониста Эрнуля (относительно «измены» Венеции «христианскому делу») были основаны на «рассказах враждебных Венеции вождей крестоносцев». Аното (или, как у нас обычно пишут, — Ганото) действительно показал недостоверность известий Эрнуля, но при чем тут «вожди крестоносцев»? Источником информации сирийского писателя явились, по Ганото, определенные круги в крестоносных государствах Сирии и Палестины, исполненные антипатии к Венеции, как виновнице отклонения крестоносцев IV похода от «святой земли», которая вследствие этого не получила помощи с Запада¹⁶.

К неточностям нужно отнести называемую автором сумму долга крестоносцев Венеции — 36 тыс. марок (стр. 50). Эту цифру приводит в своих записках рыцарь Робер де Клари, которому в данном случае следует наш автор. Однако, гораздо вернее, по-видимому, определяет сумму долга Виллардуэн, называющий сумму в 34 тыс. марок. В отношении цифр и дат, как и многого другого, Робер де Клари — источник мало достоверный. Простой воин, он был вообще слабо информирован о событиях, в которых сам не принимал участия, и писал в таких случаях понаслышке, передавая факты лишь приблизительно¹⁷.

На стр. 38 упоминается иерусалимский король «Гвидо Люзиньян». Но он был ведь королем лишь по имени, а феодальный род, к которому он принадлежал, точнее называть родом Лузиньянов, а не «Люзиньянов».

К сожалению, не все благополучно и в историографических экскурсах, встречающихся в рецензируемой работе. Так, совершенно не ясным остается принцип, по которому Юзбашян производил отбор упоминаемой им литературы.

Неясно, например, почему во «Введении» (стр. 5—10), при постановке центральной проблемы, автор ограничивается рассмотрением взглядов лишь двух ученых: Ф. И. Успенского (стр. 8) и упоминавшегося выше Э. Франчеса (стр. 9). Если (по соображениям объема книги) и нельзя было значительно расширять этот историографический экскурс, то следовало, по крайней мере, сказать о взглядах на исследуемую проблему наиболее выдающихся русских медиевистов (напр., Т. Н. Грановского)¹⁸.

Столь же случайным является и подбор литературы при рассмотрении вопроса об оценке учеными деятельности Андроника (стр. 20—26): за эллинистом К. Гопфом и автором «Всемирной истории» Ф. Шлоссером, который вообще Византией специально не занимался, помещается русский историк Ф. И. Успенский, точка зрения которого механически сопоставляется со взглядами двух названных ученых («А вот точка зрения

¹⁵ См.: *Epistolarum Innocentii III Romani Pontificis libri undecim*, ed. S. Baluzius, t. I. Paris, 1682, lib. I, № 11, 300, 306 etc.

¹⁶ Ср. Ф. И. Успенский. *История крестовых походов*. СПб., 1900, стр. 108.

¹⁷ См. о записках Роберта де Клари: С. Klimke. *Die Quellen zur Geschichte des Vierten Kreuzzuges*. Breslau, 1875, S. 6 f.; Robert de Clari. *La conquête de Constantinople*, ed. Ph. Lauer, p. VIII—IX; A. Pauphilet. *Sur Robert de Clari*. «Romania», t. 57, № 227, 1931, p. 289—311.

¹⁸ Т. Н. Грановский. *Латинская империя*. Соч., т. II. М., 1856, стр. 140 сл. Ср. И. Н. Бороздин. *Т. Н. Грановский и вопросы истории Византии*. ВВ, т. XI, 1956, стр. 275.

Ф. И. Успенского», — пишет Юзбашян на стр. 21); после него упоминается Ф. Шаландон, затем — Г. Острогорский. Далее наш автор правильно критикует ошибочную концепцию «демократической монархии», отстаивавшуюся М. В. Левченко, вслед за которым он подвергает критике воззрения Дж. Линдсея; от Линдсея он переходит к характеристике взглядов, проводимых в учебнике по истории средних веков (стр. 24—25) и т. д.

Во всей работе совершенно не использованы специальные труды болгарских историков, относящиеся к рассматриваемой Юзбашяном проблематике (например, труды Б. Примова). Кроме того, в некоторых случаях Юзбашян недостаточно точно излагает взгляды упомянутых им историков. Так, говоря о взглядах Ф. И. Успенского по вопросу о причинах поражения Византии в 1204 г., автор пишет, что поражение империи Успенский «никак не связывает с напряженной классовой и политической борьбой, происходившей в это время в Византии» (стр. 8). Между тем, как было уже отмечено в начале этой рецензии, Ф. И. Успенский, характеризуя условия того времени, находит у Никиты Хониата «указания на социальные причины, породившие полный разрыв между состоятельными классами и простым народом»¹⁹.

В заключение считаем необходимым указать на недостаточно тщательную редакцию рецензируемой работы. Отсутствие внимания со стороны редакторов (Г. Х. Саркисяна и Э. А. Пивазяна) является причиной многих неудачных формулировок, встречающихся иногда разночтений, неувязок, опечаток.

М. А. Заборов

* * *

В литературе не один раз делались попытки объяснить взятие Константинополя в 1204 г. Авторы, объяснение которых стало традиционным, искали причины этого события в сплетении обстоятельств политической истории и в явлениях международного порядка. Монография К. Н. Юзбашяна является попыткой рассмотреть эту проблему в ином плане и в первую очередь с точки зрения социальной истории Византии. Такая постановка проблемы и методы ее решения должны, несомненно, привлечь внимание к данной работе.

Уже с первых строк становится ясно, что причину падения Константинополя автор ищет в первую очередь во внутреннем кризисе страны, в котором, по его мнению, основную роль сыграло резкое обострение классовых противоречий в двадцатилетие, предшествовавшее Четвертому крестовому походу. И следует признать, что в целом автору удалось достаточно убедительно подтвердить эту мысль.

Наиболее интересна в книге ее первая глава, посвященная событиям, последовавшим за смертью Мануила Комнина. Она начинается с выяснения характера и исторического значения противоречивого царствования Андроника Комнина. На исследование этого сложного вопроса было потрачено немало усилий, в результате которых в нашей литературе утвердилось мнение об Андронике, как о реформаторе, пытавшемся частичными уступками предотвратить взрыв народного недовольства¹. Автор не

¹⁹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи. т. III, стр. 385.

¹ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 215—219. К сожалению, эта правильная мысль тонет в работе М. В. Левченко в неправомερных рассуждениях о «демократичности» Андроника, и это справедливо отметил автор рецензии.